

Н.Л.Кацман

О моих репрессированных однокурсниках

(предварительная версия статьи в журнале «Аристей»)

В издательстве Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета вышла замечательная, очень информативная книга «Ars docendi – искусство научить» (М., 2015), посвященная 90-летию выдающегося педагога-латиниста Николая Алексеевича Федорова. В ней собран обширнейший и интереснейший материал об этом уникальном педагоге, в том числе и его собственные воспоминания: о жизни, учебе и учителях, соучениках и коллегах. Этот материал, в частности, содержится в интервью, которое брали у него студенты РГГУ в 2004 г. (Федоров 2015).

В нем Николаю Алексеевичу был задан вопрос о том, пострадал ли кто-нибудь на кафедре классической филологии МГУ во время послевоенных репрессий, то есть в его студенческие годы. Это были и мои студенческие годы: я была на курс младше, и репрессии по отношению к студентам-классикам более всего коснулись именно моего курса. Вполне естественно, что, отвечая на вопрос о тех давних годах, Николай Алексеевич допустил некоторые неточности. Однако, будучи опубликованным, этот устный рассказ нуждается в коррективах (неправильные сведения выделяю курсивом).

«На курс младше нас учились и были арестованы в 1947 г. на третьем курсе Яша Меерович, Гена Файбусович и Галя Полонская (не родственница Клары Полонской, она сейчас в Испании живет), которая после выхода стала энтомологом или кем-то еще, во всяком случае далеком от классики» (Федоров 2015: 97).

На самом деле Яша Меерович и Геня (именно так мы его называли) Файбусович были арестованы в самом конце октября 1949 года, когда до защиты диплома оставался фактически один семестр. Галя Полонская была арестована уже после окончания университета. Она в первом ряду на фотографии нашей группы, которая была сделана после получения дипломов. Мы даже отпраздновали окончание университета у неё на даче. Но в сентябре 50-го года был арестован её отец, известный московский врач, а вскоре были арестованы и отправлены в ссылку, как «члены семьи врага народа», Галя и ее младшая сестра. Их мама умерла за несколько лет до этих событий.

После возвращения из ссылки (отец тоже был освобожден) Галина Георгиевна работала в издательстве «Иностранная литература» в качестве переводчицы с испанского, который она изучала в университете на западном отделении и по которому тоже сдавала госэкзамен; испанский язык был у неё в дипломе.

В 1975 г., после смерти отца, сестры Полонские уехали в Израиль. Там Галина Георгиевна живет до сих пор, в г. Хайфа. Сейчас она пенсионерка, а до пенсии работала в университете Хайфы старшим библиографом, где её очень ценили за общую эрудицию, за знание языков, в частности и в особенности, древних. Никакого отношения к энтомологии она никогда не имела.

Далее Николай Алексеевич рассказывает (имея в виду всех троих): «Они получили по 20-25 лет за то, что хотели взорвать Мавзолей. А всего-навсего просто были студенческие встречи и явный навет» (Федоров 2015: 98).

Насчет навета все правильно, и даже известно имя главного доносителя¹. Это не тот человек, которого называет Н.А. Федоров (хотя упорно говорили, что этот человек, профессор-филолог, тоже снискал себе славу Герострата на этом поприще но он, очевидно, вылавливал более крупную рыбу: ведь и профессора, читавшие нам лекции неожиданно исчезали в это время). А тот, кто донес на наших ребят, был не из нашего университета. Он был студентом тогдашнего ВИИЯ (Военный институт иностранных языков, потом его объединили с МГПИИЯ, сейчас МГЛУ). Он как бы «случайно» буквально «прилип» к неразлучным друзьям – Гене с Яшей, став третьим (вот уж поистине лишним!) в их компании. Так что мы, однокурсники (не все, конечно), уже тогда поняли, кто донес на них. Но, как выяснилось потом, были в их делах еще два доноса, авторами которых были студенты нашей группы. В той статье в «Литературной газете» (она была написана Геннадием Моисеевичем Файбусовичем в начале перестройки), о которой упоминает Николай Алексеевич, намек именно на одного из них. Имена называть не буду, их обоих нет уже в живых.

Что касается предъявленных ребятам обвинений, то они были не такие фантастические, как вспоминает Н.А. Федоров, а самые обычные: антисоветская деятельность (или агитация). Яше вообще ничего предъявить было невозможно. Его стихи (целый чемодан) отправили на экспертизу известному тогда поэту Жарову, и он не нашел в них никакого крамолы. Яша вообще был очень просоветски настроенным мальчиком. Приведу небольшую цитату из книги Яши «Добро пожаловать!», написанной им под конец жизни и напечатанной уже после его смерти:

«... я набрался духу и задал ему (следователю – Н. К.) едва ли не первый за время следствия вопрос:

— Как Вы думаете, гражданин следователь, какой срок я получу, что меня ждет?

Попов (следователь) метнул на меня быстрый взгляд, откинулся на спинку стула и медленно произнес:

— Ну что тебе сказать? Я думаю, что получишь ты пять лет.

И, помолчав, добавил:

— Видишь ли, судить тебя не за что, а с другой стороны, мы никогда не ошибаемся и, значит, никто отсюда без срока не уходит» (Серпин 2002а: 35).

Этот следователь был порядочным человеком, Яша вспоминает о нем с теплотой и благодарностью, но это была последняя встреча с ним. Он исчез, а сменивший его был совершенно другим, вполне типичным. Тем не менее, Яков Иосифович Меерович действительно получил 5 лет, поэтому в 1953-м был освобожден по амнистии вместе с уголовниками. В течение нескольких лет жилось ему очень тяжело, но постепенно жизнь наладилась, он стал известным переводчиком с языков народов СССР. Писал и собственные стихи, очень талантливые. Получив, наконец, в 1966 году документ о реабилитации, смог восстановиться на

¹ «Кем же был наш третий? (...) Всеволод Колесников, студент военного института иностранных языков, общительный и веселый парень с приятным, безукоризненно правильным лицом, с широким кругозором и несомненным шармом. (...) Уже потом, слишком поздно для нас, выяснилось, что отец Колесникова — высокий чин в МГБ, а сын — не то чтобы сексот, но функционер, посвятивший себя благородному делу выявления и выдачи врагов народа» (Серпин 2001: 45–46).

5 курсе университета, о чем упоминает Николай Алексеевич, защитил диплом. Конечно, он по-прежнему зарабатывал деньги переводами, но настал момент, когда полученный с таким опозданием диплом ему всё же пригодился.

Дело в том, что в начале 1990-х прекратились заказы на переводы, а накопленные сбережения, как известно, пропали. И тогда, получив согласие Виктора Ноевича Ярхо, я предложила Яше поступить на работу в наш университет — МГЛУ, на нашу кафедру. Он очень колебался, поскольку никогда раньше не преподавал, но я была уверена, что у него все получится прекрасно. И не ошиблась. С 1994 г. и до самой смерти он успешно работал на нашей кафедре.

Геня Файбусович получил восемь лет, из которых отсидел шесть, был освобожден в 1955 г. по УДО. Когда они с Яшей встретились, они сразу пытались восстановиться в университете, но тогда им было отказано. Официальная причина отказа: «слишком большой перерыв».

Геня, не имевший права жить ни в Москве, ни в Ленинграде, поехал в Тверь (тогда Калинин) и поступил в медицинский институт. Окончил его, защитил кандидатскую диссертацию, работал врачом, потом главврачом в сельской больнице; после официальной реабилитации и возможности вернуться в Москву — заместителем главного редактора журнала «Химия», в котором он опубликовал свой первый роман «Час короля», ибо истинным его призванием всегда была литература.

Борис Хазанов в Мюнхенской библиотеке им. Толстого, 2008 г. Автор фото: Пуа78, СС BY 3.0, <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=3928108>.

Нет нужды рассказывать его биографию: под псевдонимом Борис Хазанов он стал одним из самых выдающихся писателей нашего времени. Его книги известны во всем мире, переведены на множество языков. Он — лауреат премии «Литература в изгнании» (Гейдельберг), нескольких премий Международного ПЕН-клуба, а в 2008 г. стал победителем Международного литературного конкурса «Русская Премия» за свой роман «Вчерашняя вечность» (М., «Вагриус Плюс», 2008).

Сейчас он живет в Мюнхене, потому что в 1982 г. был выдворен из страны в связи с участием в «Самиздате» и публикацией в Израиле (без его ведома) романа «Час короля» (хотя роман был не антисоветский — антифашистский!). При обыске был арестован только что

законченный им другой роман, «Антивремя», но потом он восстановил его по памяти. Борис Хазанов написал так много, что перечислить все его книги здесь невозможно. В его обширном и разнообразном творчестве отражена вся его жизнь и её философское осмысление. С точки зрения истории Московского университета наиболее важен роман «К северу от будущего», который отчасти основан на реальных событиях.

Оставили свои воспоминания также Яков Иосифович Меерович (литературный псевдоним Яков Серпин) и Галина Георгиевна Полонская. В них они рассказывают о своей жизни, в том числе сообщают точные сведения о времени ареста, о жизни в неволе и о событиях после освобождения (см. ниже).

Последняя книга Якова Серпина не была закончена: он писал ее уже тяжело больным. Завершается она главой «Вместо эпилога», написанной его женой, верным другом и помощницей. Предисловие к ней написал Г.М. Файбусович; в книгу включены воспоминания о Яше нашего однокурсника с русского отделения, Семена Самуиловича Виленского, который был арестован на год раньше, еще в 1948 г., и прошел, как он пишет, «свой путь по тюрьмам и лагерям». Там же и воспоминания детей Яши: дочери и сына. Послесловие написано мной.

Литература

Полонская Г. 2005: Так мы жили. Очерки жестокого времени. В 2 тт. Хайфа.

Серпин Я. 2001: Берег слоновой кости. М., Торус Пресс.

Серпин Я. 2002а: Добро пожаловать! М. Торус Пресс.

Серпин Я. 2002б: Жизнь прожить – как вечность перейти. М., Торус пресс.

Федоров Н.А. 2015: «Научить читать, то есть понимать» // *Arg docendi*. Искусство научить: к 90-летию латиниста Николая Алексеевича Фёдорова. М. С. 74–98.

Хазанов Б. 2004: К северу от будущего. М., Варгиус.